

Я. С. ЛУРЬЕ

К ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НОВГОРОДА В 1477—1479 гг.

Присоединение Новгорода к Русскому государству в конце XV в. было одним из важнейших событий русской истории. Однако конкретные обстоятельства этого присоединения известны нам далеко не полностью; история двух походов Ивана III на Новгородскую землю в 1471 и 1479 гг., подробно излагаемая в большинстве исторических курсов, содержит существенные пробы, а иногда и сомнительные сообщения. Причина этого прежде всего в неполноте и одностороннем характере источников: последняя дошедшая до нас независимая новгородская летопись (Новгородская IV по Строевскому списку) доведена до сентября 1476 г.;¹ история окончательного присоединения Новгорода известна нам в той «московской политической трактовке», через которую, как отметил М. Д. Приселков, «прошло огромное количество дошедших до нас летописей».²

Политическая тенденция московских летописей сказалась уже в описании первого похода на Новгород в 1471 г. Два основных московских рассказа об этом событии — «Словеса избранна от святых писаний», связанные, возможно, с митрополичьей канцелярией,³ и рассказ великокняжеских сводов⁴ — построены по традиционной схеме сказаний о битвах христиан с «неверными» (Нсв-

¹ ПСРЛ, т. IV, 1-е изд. СПб., 1848, стр. 130.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 6.

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 1—15; тот же рассказ помещен в Новгородской IV летописи по списку Дубровского: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. 2-е изд. Л., 1925, стр. 498—523. Рассказ продолжает текст свода 1456 г. в Бальзеровском списке Софийской I летописи, который может считаться текстом митрополичьего свода (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 151—154; ср.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 335—336).

⁴ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 128—135; т. XXVI, стр. 229—242; т. XXV, стр. 287—291.

ская битва, Куликовская битва). Использование этой схемы при описании победы над новгородцами оправдывалось тем, что новгородцев, ведших переговоры с польско-литовским королем,⁵ обвиняли в «латинстве» и, следовательно, в «отступничестве».

Но, описывая поход 1471 г., московские летописцы имели все-таки обвинительный материал против Новгорода; их публицистическая задача заключалась лишь в том, чтобы всячески преувеличить и разукрасить этот материал. Иное положение было в 1476—1479 гг. У власти в Новгороде находились промосковские элементы (во главе с архиепископом Феофилом, на избрании которого в 1471 г. весьма энергично настаивали в Москве); никаких сношений с Польско-Литовским государством новгородцы не имели. Повод, выбранный Иваном III для нового похода и окончательного присоединения Новгорода, даже в московском изложении кажется несколько странным.

Вот как выглядит ход событий, начавшийся в 1476 г. в рассказе официальной московской летописи. В 1476 г. Иван III был в Новгороде; во время его пребывания там, подробно описанного великокняжеской летописью, князь обвинил в злоупотреблениях и выслал в Москву ряд бояр, выступавших против него в 1471 г. Но в остальном это был «поход миром»; от новгородских бояр и архиепископа Ивана III получил обильные «поминок». В конце февраля 1477 г. к великому князю явился посадник Захария Овинов для разбора новгородских судебных дел в Москве, хотя прежде эти дела решались только в самом Новгороде. «Того не бывало от начала, как и земля их стала, и как великий князи учили быти от Рюрика в Киеве и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сей в то приведе их», — торжественно заявляет великокняжеский летописец. Рассказав далее о приходе «в то же говение» новых новгородских просителей и о пожаре в Москве, летописец далее сообщает, что «лета 6985 месяца марта (т. е. в марте того же 1477 г.) архиепископ Новгородский Феофил и весь Великий Новгород» прислали к Ивану III и к его сыну послов Назара и Захара «бити челом и называти себе их государи». Указывая, что прежде новгородцы «никогого великого князя государем не зывали, но господином», летописец в связи с этим вновь употребляет формулу: «а наперед того, как и земля их стала, того не бывало». В ответ на челобитье, по словам летописца, Иван III 24 апреля (в отличие от предыдущего известия здесь точная дата) через своих послов Федора Стародубского и других запросил Новгород, «какого они хотят государства», но новгородцы «заирелися» и «назвали то лжею». Далее следует

⁵ До нас дошел текст договора новгородцев с Казимиром, однако это, как убедительно предполагает А. А. Зимин, очевидно, только проект договора: текст его не сохранился в литовской метрике (архиве); нет и литовского «противня» договора в русских материалах (Памятники русского права, вып. II. М., 1953, стр. 260).

цель событий, завершившаяся захватом Новгорода. Сообщив о смерти известного церковного деятеля Пафлутия Боровского и о позднем морозе в мае 1477 г., летописец вновь (на этот раз подробно) повествует о том, как новгородцы после приезда московских послов «възбеснениа, яко пьянии», отреклись от собственных слов о государстве («запрелися, а на нас лжу положили»), и далее переходит к рассказу о военных действиях, начавшихся осенью 1477 г.

Так описываются события 1476—1477 гг. в великокняжеском своде 1479 г. и в более поздних сводах, восходящих к официальному летописанию.⁶ В нескольких летописях конца XV—начала XVI в. мы находим тот же рассказ свода 1479 г., изложенный более сдержанно и осторожно: здесь говорится, что послы Назара и Захара отправили «архиепископа новгородский Феофил и вси посадници и боаре Великого Новгорода», «а без Великого Новгорода ведома».⁷ Некоторые летописи совсем ничего не сообщали о посольстве Назара и Захара в 1477 г.⁸

Историки, говоря об окончательном присоединении Новгорода, неизменно следовали этой версии свода 1479 г. Они делали только некоторые оговорки, высказывая предположение, что новгородцы, называя Ивана III «государем», хотели признания «верховой власти московского великого князя при сохранении новгородского политического строя», что Иван III «придрался» к новому титулу и т. д.⁹ Сам факт приезда посольства Назара и Захара, давшего великому князю новый титул «государя», сомнения не вызывал.

Но недавно в нашем распоряжении оказался новый летописный текст — фрагмент московского великокняжеского свода 1477 г. (с 1417 г. до конца), сохранившийся в составе двух сходных летописей — свода 1497 г. (Прилуцкая летопись) и свода 1518 г. (Уваровская летопись). Заканчивается этот текст известиями мая 1477 г., а далее следует (в Прилуцкой летописи) дополняющий летописное изложение список русских князей, в котором еще не упомянуто рождение сына Ивана III Василия

---

⁶ ПСРЛ, т. XXV, стр. 309; ср.: т. XVIII, стр. 253—254; т. VI, стр. 205; т. VIII, стр. 183; т. XX, первая половина, стр. 319; т. XII, стр. 169—170.

⁷ Такой текст читается в Сокращенном своде 1493 г. (Погодинской летописи) (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 280), в Софийской I летописи по списку Царского (ПСРЛ, т. VI, стр. 33) и в дополнительной тетради, прилеченной к Бальзеровскому списку (ПСРЛ, т. VI, стр. 48).

⁸ Ср.: ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162; т. XXIV, стр. 195; т. XXVI, стр. 256; т. XXI, ч. 1, стр. 495—496. В Псковской летописи история с титулом впервые упоминается при описании московского посольства в Новгород (Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 209).

⁹ П. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечного уклада, т. I. СПб., 1863, стр. 211—213; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 291 и 298; Л. В. Черенин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 867—868.

(он родился в марте 1479 г.).¹⁰ Уже А. Н. Насонов сделал из этого убедительный вывод, что перед нами — фрагмент свода, составленного «не ранее 1477 г. (6985 г.), на котором кончается летописный текст, и не позднее 1479 (6987) гг., когда у великого князя Ивана Васильевича родился сын Василий». ¹¹ Более раннее происхождение свода 1477 г. по сравнению со сводом 1479 г. и последующих лет обнаруживается и из текста этого свода: здесь, как и в более раннем великокняжеском своде 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи), нет явно вставного, дублирующего основной текст рассказа о Флорентийском соборе, который помещен в своде 1479 г.¹² Но вместе с тем свод 1477 г. — официальный великокняжеский свод: первый поход Ивана III на Новгород в 1471 г. и остальные события здесь описаны так же, как в других великокняжеских летописях.

Что же представляет собой рассказ о переговорах с новгородцами в своде 1477 г.? Здесь есть текст 6985 (1477) г., соответствующий тексту свода 1479 г.: сообщается о приезде новгородцев в феврале для решения судебных дел, чего «не бывало изначала, как и земля их стала». Но дальше, после известия о пожаре в Москве, мы не обнаруживаем никакого сообщения о новом приезде новгородских послов в марте: «Тое же весны, князь великий отпустил в Новгород послы своя месяца апреля, в четверг, Федора Давидовича, Ивана Борисовича и дияка с ними Василия Далматава». ¹³ Далее следуют заключительные известия свода — о смерти Пафнутия Боровского и о майском морозе.

Перед нами, очевидно, текст великокняжеского летописания в том виде, которое он имел в мае 1477 г., уже после того как московское посольство Федора Давидовича (Стародубского-Пестрого) выехало в Новгород. Можно ли предполагать, что сводчик 1477 г.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 94—142 и 259—312.

¹¹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958, стр. 254. В своей последней работе А. Н. Насонов видоизменил этот вывод, указав, что фрагмент 1417—1477 гг. мог представлять собой «текст московского свода 1479 г., в котором конец был отброшен, или предшествующую редакцию московского свода 1477 г.». (История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 374). Нам представляется, однако, что датировка свода 1477 г. даже более очевидна, чем датировка свода 1479 г.: свод 1477 г. имеет четкое окончание и следующее за ним (и соответствующее его окончанию) родословие князей; свод 1479 г. в Эрмитажном списке не кончается, а обрывается; в Уваровском списке содержится уже последующая редакция этого свода 1493 г.; указание на дату 1479 г. дают только окончание текста свода в так называемой Ростовской летописи, где после сентября 6988 (1479) г. следуют уже известия, тождественные своду Дубровского (ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 256), и перемена почерка в Уваровском списке (ПСРЛ, т. XXV, стр. 326).

¹² Ср.: Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. История СССР, 1964, № 4, стр. 126—127.

¹³ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 140 и 311.

сократил известие о посольстве Назара и Захара? Такая купюра была бы совершенно неуместна для официального летописца, несколькими строками выше с торжеством сообщавшего о приезде новгородцев для небывалого суда в Москве и уже рассказавшего об отправлении московских послов в Новгород. Текст в своде 1477 г. вполне последователен. Напротив, текст в своде 1479 г. обнаруживает ряд странных особенностей: рассказ о посольстве Назара и Захара внесен здесь с вновь повторенной годовой датой «6985»; он не имеет зато точной даты (число и месяц), присущей соседним известиям свода; здесь вновь употреблена уже использованная выше формула: «а напред того, как и земля их стала, того не бывало». Странные черты обнаруживает и подробный рассказ о приеме московских послов «взбесившимися» новгородцами, помещенный в своде 1479 г. после окончания текста, совпадающего со сводом 1477 г. Последнее известие, которым кончался свод 1477 г. — о позднем морозе, — датировалось 31 мая; следовательно, майские известия уже были закончены, но рассказ о приеме послов начинался словами: «и того же месяца, и еще послом великого князя в Новгороде, и бысть мятеж». Вполне естественно заключить, что перед нами вставка, сделанная уже после того, как была объявлена война, и повод к ней нужно было провозгласить хотя бы задним числом.

Была ли история с новым титулом с самого начала задумана как повод к войне и была ли она действительно предметом посольства в Новгород Федора Стародубского в 1477 г.? Ответ на этот вопрос затрудняется уже отмеченным обстоятельством — прекращением известного нам новгородского летописания на 1476 г. Однако до нас дошел, возможно, фрагмент этого летописания и за 1477 г. в составе более позднего памятника — Устюжского летописца начала XVI в. Связь Устюжского летописца (Архангелогородской летописи, Устюжского летописного свода) с новгородским летописанием уже отмечалась А. А. Шахматовым;¹⁴ мы можем предполагать, что источником этого летописца была новгородская летопись, не совпадающая с сохранившимися (Устюжский летописец содержит ряд совершенно уникальных новгородских известий: например, известие о первом походе ушкуйника Апфала в 1360 г., о вероломном аресте в Москве новгородского владыки Иоанна в 1401 г.). Летопись эта, очевидно,

---

¹⁴ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 237—238; 2) Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 372. К. Н. Сербина (Устюжский летописный свод. Истор. записки, т. 20, 1946, стр. 258) высказала интересное предположение, что своеобразные (в том числе и новгородские) известия Устюжского свода могли быть взяты составителем из какого-то неизвестного общерусского свода; однако исследовательница не отметила, к сожалению, ряда бесспорных совпадений Устюжского свода с Новгородской I младшего извода и Новгородской IV летописью.

доходила до 70-х годов XV в.: рассказ о войне 1471 (6979) г. в Устюжском своде явно отражает новгородский рассказ, сохранившийся в Строевском списке.¹⁵ Из этой же летописи, как можно предполагать, в Устюжский свод проник и рассказ о событиях 1477 (6985) г. Уже первое известие этого года явно новгородское: речь идет о «пожаре сильном» в Новгороде; далее говорится о приходе посла от великого князя Федора Давыдовича (посольство отнесено к «тою же осени», хотя по московским источникам оно происходило в начале лета; возможно, что это — искажение Устюжского летописца начала XVI в.). Как и в московских летописях, великокняжеский посол здесь ссылается на заявление новгородского представителя («ваш подвойской Назарей»), назвавшего Ивана III «государем Новгороду», и спрашивает: «Вы чем великих князей имеете?». «Чернь» отрекается от этого титула, заявляя, что «народ того не ведает»; «и начаша народ на бояр за то злобу имети». Далее описывается «брань» в Новгороде, убийство двух посадников и арест двух других: «и потом приведше их на вече и пожаловаша их, и целовали крест, что им хотети добра Новгороду».¹⁶ На этом примирении заподозренных посадников с вечем рассказ оканчивается; никакого упоминания о последовавшей далее войне и падении Новгорода в Устюжском летописце нет.¹⁷ Можно думать, что перед нами именно то известие, на котором обрывалось летописание независимого Новгорода — после окончательного присоединения города это летописание уже не продолжалось.

Московское посольство 1477 г., вероятно, действительно выдвинуло версию о новом титуле, якобы употребленном новгородцами. Но пока «весь Великий Новгород» (т. е. новгородское вече) не высказался по этому вопросу достаточно определенно, эту не слишком убедительную аргументацию еще не следовало вводить в великокняжескую летопись. Новгородцы могли признать новый титул (и тогда московские порядки пришлось бы внедрять «миром» — как это делали в XVI в. в Пскове); они могли, напротив, дать великому князю хотя бы такой повод к войне, какой был в 1471 г. Не произошло ни того, ни другого; историю с титулом

---

¹⁵ С рассказом Строевского списка совпадают здесь известие о попытке новгородцев снестись с литовским королем (которой помешал ливонский магистр) и известие о молве в Новгороде на «лучших людей», «яко вы приведете на Новгород великаго князя». Подробнее вопрос об источнике Устюжского летописца разобран в подготовленной нами статье: Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца.

¹⁶ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 91—92.

¹⁷ Дальнейшие известия о Новгороде относятся в Устюжском летописце к более позднему времени (6992 г. — явно анахронистическое известие о присоединении Новгорода; 6998 г.) и не обнаруживают никаких признаков новгородского происхождения.

пришлось сделать поводом для полой войны, и она была введена в официальное летописание.

Нам представляется, таким образом, что новгородское вече имело веские основания назвать «лжею» утверждение, будто они сами назвали Ивана III «государем». Какое историческое значение имела эта «лжа» — вопрос более широкий и выходящий за пределы настоящей заметки. Присоединение Новгорода к Русскому государству было неизбежным: о кризисе вечевой республики, о глубоких противоречиях в городе с достаточной убедительностью свидетельствует яркое описание борьбы между «большими людьми» и «молодыми» во время войны 1471 г., содержащееся в последнем летописном своде времени независимости Новгорода. Но, признавая историческую необходимость падения Новгородской республики, мы вовсе не обязаны с доверием принимать ту официальную и насквозь тенденциозную трактовку этого события, которую давали ему придворные московские летописцы.